

вежды» сговорились: «1. Всех упражняющихся в словесных науках к делам не употреблять. 2. Всех таковых, при делах уже находящихся, от дел отрешать».²⁶ Фонвизин призывает Екатерину II «такое незаконное и век наш ругающее определение отменить; нас же, яко грамотных людей, повелеть по способностям к делам употреблять, дабы мы <...> служа российским музам на досуге, могли главное жизни нашей время посвятить на дело для службы вашего величества».²⁷

Господствующие в обществе представления о литературном труде отчетливо проявились в автобиографиях Державина. Он тоже неоднократно повторял, что его творческая деятельность не является помехой его служебной деятельности, поскольку он занимается ею «на досуге» «в праздное время». Так, к оде «Меркурию» (1784) он дает такой комментарий: «В 3-м (куплете, — *И. Ф.*) просит позволения заниматься стихотворством в праздное время, т. е. как грянет гром или выстрелит пушка вечерней зари и на бирже не бывает уже никакой работы, вместо того, что другие занимаются карточной игрой в вист и бостон».²⁸

Кроме того, Державин зачастую перечислял на равных служебные и творческие заслуги, как бы приплюсовывая их. В комментарии к оде «Лебедь» он так объясняет ее смысл: «... что он как лебедь, посвященная птица Апполону, вознесясь в воздух, не останется, как прочия вельможи, тлеть между кавалерскими звездами в гробе. Но что он будет бессмертен памятью, как по поэзии, в которой он говорил языком сердца, так и по правилам Третейского суда, которые он поднес императору, веселясь; что он доставит тем некогда благо своему отечеству. Непростительно бы было так самохвалствоваться, но как Гораций и прочия древния поэты присвоили себе сие преимущество, то и он тем пользуется, не думая быть осужденным за то своими соотечественниками, тем паче, что поэзия его — истинная картина природы».²⁹ В комментариях к оде «Мой истукан» Державин тоже не расчленяет свою деятельность на службу и творчество, меряет их единой меркой: «Впрочем изъясняется, что он не стоит такой чести, чтоб публично известна была его статуя, показывая однако в 14 куплете предположительно скрытым смыслом свои деяния, что он освободил от киргизцов пленных колонистов, что сохранял, будучи губернатором и сенатором, закон и правду, отирал слезы сирот и вдов, которых бы здесь множество было описывать. <...> Приписывая в 16 куплете достоинство себе, что имел способность изобразить монархиню и петь ей похвалы».³⁰

У Державина можно найти и ряд высказываний, свидетельствующих, что он был склонен считать свою служебную деятель-

²⁶ Там же, с. 269.

²⁷ Там же, с. 269—270.

²⁸ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 83.

²⁹ Там же, вып. 1 (25), с. 125.

³⁰ Там же, вып. 1 (23), с. 90. Эти оды аналогично истолкованы и в «Объяснениях», но текст «Примечаний» более выразителен.